Маргарита ненавидела своё отражение в зеркале: весь лоб испещрён глубокими мимическими морщинами, вокруг глаз словно паучок сплёл паутину, и черепашья шея. Несмотря на довольно-таки стройную для её лет фигуру, именно шея выдавала возраст женщины, хотя и пользовалась Марго очень качественными антивозрастными кремами.

И всё бы ничего, если бы не профессия.

Представительницы таких профессий, как врачи и учителя, инженеры и бухгалтеры спокойно воспринимают период увядания красоты. Но только не актрисы. Особенно те, которые всю жизнь играли яркие роли. Появление морщин или обвисание кожи воспринимается ими как трагедия, ведь с ранней молодости они привыкли вызывать восхищение поклонников и на сцене, и в жизни. Ни для кого не секрет, что многие актрисы жертвуют семейной жизнью, ибо рождение ребёнка может сказаться на фигуре, и тогда – прощайте, главные роли!

Маргарите было тридцать восемь, когда она узнала, что беременна. Аборт сделать духа не хватило. На её счастье, о беременности никто не догадался. Когда она была уже на седьмом месяце, часть их театра уехала из Москвы на гастроли, а остальных отпустили на каникулы. Не будучи задействованной в гастрольных спектаклях, Марго отправилась в город детства, где в местной больнице благополучно разрешилась от бремени. Она знала, что её родители, воспитанные в старых традициях, внебрачного ребёнка не примут, потому новорожденная стала отказником. В сентябре начался новый театральный сезон, и Марго, как и прежде, блистала на сцене, репетируя новые роли.

Шли годы. Каждый сезон в театр приходили молодые и талантливые выпускницы театральных училищ, и Марго всё тяжелее было удерживать корону примы. Сменился и режиссёр. Спектакли, в которых она была занята в главных ролях, шли всё реже и реже, а некоторые и вовсе

Юлия Александрова. Март. Московский бульвар

убрали из репертуара. К счастью, в училище при театре появилась вакансия, и ей предложили вести курс актёрского мастерства. Сначала Марго восприняла это, как оскорбление: ей учить каких-то студентов?! А потом поняла, что это спасение.

Первокурсники оказались дружными и восприимчивыми к новым знаниям. Среди способных студенток Марго сразу выделила Катю, девочку с огромными зелёными глазами и красиво уложенной на голове косой. Маргариту как будто током ударило – так она была похожа на её мать в юности. Захотелось поближе познакомиться.

Узнав, что девушка живёт в общежитии, Марго предложила переехать к ней. У неё была роскошная трёхкомнатная квартира на Юго-Западе, в которой она пролила немало слёз о своей загубленной жизни. Катя согласилась, не раздумывая, ведь она многому могла научиться у великой Марго, и в тот же вечер перебралась к своему кумиру со всеми своими пожитками, уместившимися в маленький чемодан.

Работа над ролями, чаепития и разговоры по душам сблизили женщин. Катя рассказала, что родная мать отказалась от неё, и поэтому всё детство провела она сначала в доме малютки, а потом в детдоме. Жилплощадь, полученная от государства, оказалась неудобной для жилья, и поступление в театральное училище с общежитием показалось ей сказочной удачей.

Она призналась Марго, что готова пожертвовать всем ради театра. Какими знакомыми показались Маргарите эти мысли! Как эта девушка напомнила ей себя в юном возрасте... А когда Марго узнала дату и место рождения Кати, то сомнений не осталось – перед ней сидела её дочь – тот младенец, от

которого она отказалась шестнадцать лет назад, тем самым лишив себя счастья материнства ради театральной карьеры.

Однако гены – вещь упрямая. Хотя Марго и не участвовала в воспитании дочери, в формировании её вкусов, из всех занятий Катя выбрала его величество Театр и захотела стать лучшей. Да, да, именно лучшей, а не среднестатистической актриской. Она жадно впитывала всё то, чему её учила Марго. Казалось, знания, полученные в театральном училище, становились выпуклыми, обретали форму, звук, цвет и даже запах. Марго оказалась блестящим педагогом, хотя никогда не помышляла о педагогической деятельности. Теперь они обе ждали понедельника, ведь в понедельник начиналась новая учебная неделя, которая дарила радость: одной – от преподавания, другой – от учёбы.

Наступил последний понедельник марта. Обе женщины безнадёжно проспали, засидевшись накануне допоздна за разговором. На скорую руку выпив кофе, они выскочили из дома. Утро было мрачным, облака заволокли всё небо и не пускали солнечные лучи на землю. Людской поток в сторону автобусной остановки напоминал волны на море. Когда подъезжал автобус, волна нарастала. А через несколько остановок эта же волна из различных шапочек, платков и беретов выливалась из автобуса и вливалась в метро. Вот таким потоком Марго и Катю внесло в один вагон, но к разным дверям.

Поезд подъехал к станции Парк Культуры. Когда открылись двери, Марго машинально посмотрела на часы. Те показывали 8:44. Боясь опоздать, она запаниковала: «Боже мой, занятия начинаются в 9.00, а они ещё на Парке». Через минуту Марго почувствовала сильный толчок и потеряла сознание.

Очнулась она в незнакомом помещении с белыми стенами. В голове стоял гул. Марго пошевелила руками, ногами. Вроде всё цело. Но лицо было чем-то стянуто. Марго осторожно дотронулась до лица. Бинты. Она поняла, что в больнице. Память начала медленно возвращаться: «Утро. Дорога на работу. Метро. Катя. Где Катя? Что с ней?»

Накинув больничный халат, висевший на спинке стула, и надев какие-то тапки, стоявшие у кровати, она медленно, держась за стенки, выползла в коридор. На медицинском посту горел свет. В общем холле тихо работал телевизор. Передавали новости. Диктор с экрана рассказывала подробности о страшных терактах в Московской подземке на станциях Парк Культуры и Лубянка 29 марта. Затем показали списки и фото погибших. Среди них была Катя. Ноги у Марго подкосились, и женщина сползла вниз, где её обнаружила вернувшаяся на пост медсестра. Она помогла Марго добраться до палаты и лечь.

Марго лежала и молча смотрела в потолок. Её душили слёзы: какая несправедливость! Обрести дочь и потерять её. Теперь уже навсегда. Вся в слезах, она уснула.

Каждый следующий день в больнице был похож на предыдущий: перевязки, капельницы, уколы. Через несколько дней швы сняли, и Марго в первый раз увидела себя в зеркале без бинтов. На неё смотрело изуродованное осколками лицо: воспалённые шрамы, словно барханы, тянулись по гладким щекам бывшей примы. Будучи человеком здравомыслящим, Маргарита поняла, что впереди её ждали годы забвения. Она больше никогда не выйдет на сцену. В голове мелькнула страшная мысль: «Лучше бы в том поезде метро вместо Кати погибла я...»